

Искусство историки, или Сочинение о природе историки и истории, с рекомендациями, как писать историю, — общие размышления

Фоссий Г. Й.

Аннотация: В восемнадцатой главе анализируется значимость отдельных свидетельств для общего хода истории. Приводятся примеры наиболее впечатляющих картин, могущих повлиять на его оценку.

Ключевые слова: историка, непосредственное состояние, ораторское искусство, суждение, ложь, похвала, порицание, размышление, действие, отступление.

Глава восемнадцатая

О суждении истории. Опровержение его Франческо Патрици. Это заключение нужно делать только при всестороннем рассмотрении. Об условиях, какие должны быть этому предпосланы, говорится у Саллюстия, обосновывающего отдельные фрагменты у Ливия. Необходимо подтверждать все, что сказано о жизни действительно состоялось, ибо при погрешностях добро может предстать как зло, и наоборот. Глупо было бы при завершении жизнеописания восхвалять случившиеся ужасы. При этом опровергается, что похвалы вообще не присущи истории — они могут послужить ей. Саллюстий доказывает, что ложная похвала таит в себе упрёк. Исторические восхваления и ораторское искусство в целом у Агафия¹, у Лукиана, и особенно — у Туллия устраняются из обсуждения. Взвешенное суждение Джованни Понтано и др. Иногда допускается история, которая движима непосредственными состояниями.

Как ранее уже говорилось, от неподвижного состояния мы переходим к сдвигам, а также рассматриваем различные утвердительные способы высказывания. Приведём три предпосылки, из которых образуется тело истории: размышление, действие и отступление.

Размышление свидетельствует, что история как таковая — выше всех разноречивых рассказов.

Этим частично пренебрегает Туллий в своей Второй речи. Он радуется «значимому взаимодействию всех пишущих историю»². И действительно, Туллий показывает это многократно. У Курция в кн. 9 есть рассказ об охоте на собак в области Софита, и к нему добавлено пояснение: «Об этом много писали и переписывали, и не стоит приносить ничего, что вызывает сомнение, и не добавлять чего-либо нового, что бы ни появилось».

¹ Агафий Миринейский (лат. *Agathias Scholasticus*, греч. Ἀγαθίας Σχολαστικός; 536–582) — византийский поэт и историк.

² В предыдущей главе говорилось о том, что история состоит из определённого числа долей, каждая из которых значима по-своему.

Действительно, вовсе не надо беспокоиться о собственно предмете истории. Это, по меньшей мере, так. Законом истории становится то, что предполагается по умолчанию: для этого нужно довести до конца то, что рассказывает повествователь. К истине ведёт то, что исходит из рассказа и оправдывает историческое суждение. Не может быть речи о том, чтобы нить рассказа обрывалась. Неважными обстоятельствами и незначительными деталями неуместно загромождать то важное, что уже пошло на пользу историческому обоснованию и продолжает это делать. Не нужно идти по пути, который отвергал Ксенофонт (см. его книгу «Обстоятельства жизни в Греции»). По этой причине его книга остаётся главной среди других. События, там описанные, очевидно иначе представлены, чем у Кира («Всеобщее со glaсие, или Азиатский поход»). На этом же основании справедливо отрицают значимость некоторых деяний Цезаря, считая их незначимыми моментами, которые свойственны комментариам, а не собственно историческим сочинениям.

Против этих взглядов определённо выступает Франческо Патрици в 10-й лекции своих «Исторических законов», посвящённых изложению чего-то происходящего в рассказе. Дело не в выборе, но необходимо либо досконально исследовать причины, либо выявлять правильность суждения. Не всё, что предоставляет философия, применимо к истории. Действительно, нет необходимости нападать на Полибия, который, говоря о способе изложения событий, непосредственно отсылает к примерам из философии. Однако мы разделяем его убеждение, что разум — действенное начало, на которое можно опираться, философские примеры в историческом изложении дело обычное: философия и история соседствуют, и предметы их связаны; философские предуведомления оттеняют отдельные исторические примеры — и зауряднейший историк может подтвердить ими философские факты, так же как и наоборот. Частная истина в истории возможна, но не должна воплощаться только лишь в комментариях. Гораздо менее развёрнута хронология, уместно сначала собрать и изложить главное в произошедшем и далее соотнести итог с общим течением времени.

И всё же допустим, что можно избежать определений законов истории. Отдельный пример нельзя считать достаточно убедительным. По зрелом размышлении суждение обо всём в целом может оказаться неясным; суждение же о конкретном предмете, по крайней мере, возможно. Как справедливо утверждает Ульпиан³, одна несправедливость порождает вторую, и потому обе неверны (как справедливо отмечено в книге 1).

При общей неясности и неопределённом направлении надо во всяком случае показывать множественность разных суждений. Соответствующие примеры можно найти у Саллюстия. Так, о проклинаемом заговоре Катилины найдено следующее великолепное, исчерпывающее суждение: «В моё время управление римским народом пришло в полный упадок, так в районе Сола боролись с вооружёнными отрядами; наиболее богатые дома были разорены, случались убийства владельцев, самые видные граждане утратили собственность, вставшие же на путь сопротивления этому по государственной линии быстро погибали. При этом два сенатских присутствия не поддержали разоблачение заговора Катилины и не отмежевались от него. Только всеобщее разложение и вспыхнувшая эпидемия вызвали общее выступление граждан»⁴. То же относительно Югурты, укрывшегося от Мария в замке, окружённом скала-

³ Домиций Анний Ульпиан (лат. *Domitius Ulpianus*, 170–223) — юрист ранней Римской империи, сторонник естественного права.

⁴ В имеющихся в наличии материалах («О заговоре Катилины») нет ничего противоречащего версии, изложенной Фоссием.

ми, путь к которому хранился в тайне, Салюстий замечает: «Так поверяются свершения, возникшие по воле случая, — и тем самым действительные ошибки Мария были преувеличены». Подобное мы находим у Ливия (т. 23), в рассказе о вылазке Марцелла у Нолы: «Важно доказать расхождение во мнениях относительно тогдашних споров о действиях Ганнибала, которые были высказаны позднее».

Само собой, из этого следует не что-то для нас лично, но для общего уразумения. Оценим, как преподносятся эти события в речах. Вот, например, как Ливий довольно настойчиво (т. 23) излагает манёвры Ганнибала у Капуи: «Марий, в ошибочной уверенности своими действиями, своей военной хитростью, не выставил авангард войска перед Каннами. Эта медлительность дала римлянам видимость победы; ошибка государственных мужей в том, что они не увидели связь между своими действиями и последующим поражением».

Здесь лучше представить несколько вариантов, как это делает Цицерон (соч. Т. 2. «Об ораторах»): «...представлять не только то, что они совершают, но то, что говорит молва об их естественной (первоначальной) жизни». Та же мысль звучит у Дионисия Галикарнасского в кн. 5 в переводе Стефануса: «Вообще-то в первую очередь в историописании сходятся не на достопамятных именах правителей, их войнах и других выдающихся моментах их правления, но в первую очередь на их собственных жизнях, нравственно выдержанных и преданных основным устоям родины». Тем самым в отдельных историях могут быть похвалы по поводу заслуг каких-то её деятелей; на основании чего определяется их доблесть в истории. Очевидно только, что не в полном отрицании восхвалений состоит стремление к равновесию в определении истины, как о том говорит Дионисий Галикарнасский. Отрицается альтернатива: либо удовольствоваться порицанием, либо отвергать похвалу в принципе. Историки согласились на следующем: так, согласно Ксенофону, Кир мало прибегал к правосудию, и было бы уместно привести здесь некоторые примеры; также подробно описываемое благочестивое обращение к богам Дидоны в Мароне⁵ слишком стыдливо. Там же, где грех выступает на первый план, он описывается в более общих чертах, в том духе, что злой человек часто становится доблестным и вряд ли становится более порочным. Будущему бояться повредить таким образом, и эта молва не порождает новых предрассудков относительно доблести. Ни одно не удавшееся благое деяние не действует так, как очевидная нечестность. Нечестивая же похвала противоречит естественному ходу вещей. Иначе подыскиваются аргументы, значимые для людей и трактующие их с лучшей стороны. Другие же определяют себя сами: уж они, простые смертные, могут представить себе непосредственно человеческие души, им подобные. Ложная истина, которая прикрывается неопределённостью происходящего, порождает свои подражания, побуждая тем самым заботиться о тщательной отделке небольших частей.

Отсюда следует, что история должна строиться как определённое суждение о происходящем. Язык приходит из прошлого, уже после того, как властители совершили им предназначенное. Так Брутидий Нигер⁶ как бы издавек производит строгое различие между 6-м и 7-м томами (в 6-м излагается канва событий, а в 7-м — трактовки их значений) «Увеще-

⁵ Коммуна в Италии, в провинции Брешиа области Ломбардия.

⁶ Брутедий Нигер был ритором и политиком ранней Римской империи. Во время правления императора Тиберия в 22 году нашей эры он занимал должность эдила.

ваний» Сенеки: «Любые исторические рассказы заканчиваются высказыванием всего подряд, как будто ужасное можно восхвалять».

Кеккерман же в своих исторических работах полностью отвергает восхваление: частично потому, что похвалы принадлежат риторике, а не истории, частично потому, что история как таковая — выше риторики. «Каждый рассказ, — говорит он, — уместен как добро-совестное изложение похвал и порицаний различных авторов. Но здесь одни аргументы просто заменяют другие; действительно, между риторикой и историкой есть много общего — но это не осмысливается и не толкуется должным образом. Напротив, такая избыточность здесь может сделать суждение шатким, когда приходит время выносить окончательное суждение, выигрыш и проигрыш определяются тем, что ныне склоняются к доблести, чураясь порока».

Тем самым общая направленность событий нисколько не меняется. Правильно говорит об этом Сенека, дополняя это утверждение высказыванием, которое ранее мало цитировалось: «Однажды некоторые незначительные обстоятельства, приведённые у Фукидида, в минимальной степени затрагивающие отдельных лиц, были использованы Саллюстием. Ливий же представлял жизнеописания только значительных личностей. Последующие же события излагались без всякой меры». Саллюстий обращается с похвалами осторожно и, восхваляя Апулея (Апологии), выдвигает минимум порицаний. Такова незавершённость природы человека, утверждает Лактанций (соч. Т. 5. «О ложных религиях», гл. 15), но суровее всего осуждается и критикуется склонность к роскоши, которая преподносится как закономерная. Это же отмечает Макробий (Т. 3, «Сатурналии», гл. 15) как в истории Катилины, так и в «Югуртинской войне», которые содержат много верных рассуждений, касающихся и обличений, относящихся к нравам народа Рима, которые прочно вошли в его историю. То же говорится у Теофонта, в упомянутых книгах Лукиана, страстно обличающего стремление к мелочным определениям, приводящим к переименованию истории.

Разнообразие коренится в способах не только порицания, но и восхваления, о чём Лукиан говорит следующее: «Вовсе не имеют в виду, что восхваление в истории недопустимо, но с некоторых пор оно критикуется в целом, при этом возникает досада, что оно не может влиять на основные положения». Встречаются также чисто хвалебные тенденции в истории; они отличаются от таковых в красноречии в целом, как верно эти предварительные условия определяются в произведениях Агатия: «Напротив, множество описаний случившегося необходимо для того, чтобы что-то из них запечатлелось в памяти, — пишет он, — предварительные же суждения автора должны быть учтены, даже возвышены и превознесены отдельно. Истинная же история, если она не направлена только на восхваление, скорее отвращает от себя, поскольку мы не можем судить о её достоверности. Тем самым если не существует убедительного подтверждения похвалам, то для них нет места, а следовательно, и повода для любых прикрас». Так, у Агатия даже в его незамысловатом представлении, помимо всего прочего, ясно проступает личность Христофора⁷.

Осознав эту истину, преподнесённую нам Агатием, мы заключаем, что красноречие само по себе не объединяет события истории в единое целое; поскольку обычно бывает, что историки скупы на похвалы, а оратор ставит знак восклицания (акцентирует), поэтому действительно тот, кто особенно поспешает с похвалами, с трудом остаётся в пределах истины.

⁷ Христофор (от греч. Χριστοφορος — *носящий Христа*) — святой мученик, почитаемый Католической и Православной церквями, живший в III в., в годы правления императора Деция Траяна, он не вписался в порядок тогдашнего императорского Рима.

Вот у Цицерона (кн. 1, письмо 19, «Об ораторском искусстве»): «Значима написанная история». Вот также развёрнутое высказывание Лукиана: «В первую очередь совершают ошибку, подсчитывая количество приведённых свидетельств. В большинстве случаев отвергается то, что обнаружено в общем развёртывании событий, стремятся возгласить похвалы, и, превознося нынешних правителей, противостоят всем нападкам со стороны, которые их принижают, устраняя всякую враждебность, представляют воочию препятствия, а через них и тянется нить истории; многие из этих препятствий распознают лишь в последний момент. Поэтому то, что первоначально описывалось как несопоставимое, далее включается в целое в измененном виде, восхваления же, если они привлекательны, усиливают ложную линию. В историю же в целом нельзя протащить ничего ложного, сколь бы значительным оно ни казалось; она в значительной степени дочь медицины, говорящей: если налицо препятствие, просто его не обойдёшь».

Если исходить из сказанного, ни одно из определений истории не может быть дано, поскольку то, что отмечено как свершившееся, определяется соотношением высказанных похвал и порицаний: они важны не сами по себе, это способ публичного высказывания (как в книге Корнелия Агриппы «О неосновательности наук»). Таким образом, исторические частности всегда имеют своё место и время, в котором они проявляются, — тем самым нет исторического бытия и отдельных частных (субстанции), которые были бы неизменны как некая аксиома. С осторожностью мы воспринимаем предупреждение, данное достойнейшим Иовием Понтанием в его «Аттике»: «Все записанные события со всеми зафиксированными эпизодами, неясностями и случайностями иногда служат отдельным личностям, чтобы восхвалять, осуждать, восхищаться, притеснять, соболезнавать, служить то ли веселью людей, то ли их слезам; при этом припоминании находятся способы для похвал и для осуждения». Таким образом, так или иначе удостоверяется наличное. Действительно, историки склонны идти по пути легенд.

Несколько иначе представляет это Полибий; у него всё связано с судьбой женщин, которые способны всё извратить, никакой ревнитель основ не сможет их опровергнуть. Здесь действительно представлена настоящая трагедия, а не история, возвещающая о неслыханном. Поэтому нет ничего плохого в том, чтобы происходящее вызывало сострадание; поскольку при этом душа утверждает себя больше, чем определённое чувство. Примеры этому есть у Ливия, там, где он говорит о развалинах Альбы (соч. Т. 1): «О каком милосердии имеет смысл говорить у ливийцев?», «То, что предопределило разрушение Альбы, многократно воспроизводилось римлянами, посылавшими легионы к уже разрушенным городам, которые не были вовлечены в данную смуту, они открывали ворота, сбивали засовы, штурмовали в трепетном ужасе главные проходы, с победным кличем врывались в город, предавая всё огню и мечу; но те же из горожан, кто просто молчал, понурившись, сохраняя прежний неторопливый образ жизни, те постепенно сникали и утрачивали даже то, что надеялись сохранить: и когда они пытались найти косвенный путь, чтобы выйти из положения, меняли состав советов и их глав, среди немногих оставшихся, переходили из дома в дом и, наконец, уходили странствовать; и после ухода их жизнь сопровождалась многогласным выражением чувств; грохот при разорении жилищ стал знаком многих городов; пепел сохранился во многих местах, быстро покрывая всё чёрным слоем. Если было возможно, возвышенные места, использовавшиеся как храмы и святилища, покидались, толпы переселенцев наполняют до-

роги, разражаясь плачем; вопли этих несчастных побуждали женщин осаждать эти холмы, чтобы защитить прежнюю благостность храмов и вновь возвысить прежних богов. Жителям Альбы, после получения охраны богов, римляне разрешили расходиться по одному; и ещё через 400 лет после опустошения Альбы их исход продолжался»⁸. Здесь Ливий точно представил изменения, произошедшие в риторике, и это описание по своей резкости и краткости можно сравнить как с Зеноном, так и с Катоном: действительно, чувствительные души сами освобождаются от невзгод, их отягощающих, в слезах. Красноречие же по поводу любых обстоятельств, и в том числе жестокостей, ведущих к гибели, впечатляющих публику, ещё не создаёт истории: достоверным, помимо текущей изменчивости, остаётся то, о чём говорили издревле.

Ars historica sive de historiae et historices natura historiaque scribende praeceptis commentatio

Vossii G. J.

Abstract: The eighteenth chapter analyzes the significance of individual testimonies for the general course of history. Examples of the most impressive paintings that can influence his assessment are given.

Keywords: historian, immediate condition, oratorical art, judgment, lies, praise, censure, reflection, action, retreat.

Перевод с латинского Лаврентьева Всеволода Серафимовича: lavrsv4@gmail.com.

⁸ *Тит Ливий. Римская история от основания города / Пер. с латин. под ред. [и с предисл.] П. Адрианова. — М.: Издательство «Э», 2017. (раздел 290).*